

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА СРЕДИ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЯПОНИИ (1905—1906 гг.)

А. С. Силин

К моменту окончания русско-японской войны в Японии насчитывалось около 70 тыс. русских пленных¹. Большая часть их была перевезена в Японию в январе 1905 г. после сдачи генералом Стесселем Порт-Артура. Находясь в тяжелых условиях плена, русские солдаты и матросы были лишены возможности узнать правду о ходе военных действий и о событиях в России, а подавляющая часть их не имела даже представления об истинных причинах войны, в которой они участвовали. Царская цензура строго контролировала переписку военнопленных и не пропускала сведений, которые могли бы посеять среди «нижних чинов» какие-либо сомнения или недовольство положением дел на фронте и на родине². Некоторые новости, зачастую в искаженном виде, изредка сообщали пленным японские переводчики. Отдельные экземпляры русских газет, проходившие тщательную японскую цензуру, стали поступать в приюты (так назывались в Японии лагеря военнопленных) лишь весной 1905 г., и то с запозданием на 2—3 месяца³. Иностранные газеты были доступны только офицерам, которые содержались в особых приютах и чужались общения с солдатской и матросской массой. Известный американский журналист и политический деятель Дж. Кеннан (старший) писал, что в 1904 г. во время посещения им в Японии лагерей, где находились русские пленные, он повсюду слышал одну и ту же просьбу: «Нельзя ли достать что-либо для чтения?»⁴. По свидетельству одного офицера, находившегося в приюте, «в начале пребывания в Японии пленных очень мучило полное отсутствие правдивых известий о ходе войны. Японцам же нельзя было верить, так как они «врали направо и налево». Приходилось довольствоваться сведениями иностранных газет, где правда была перемешана с ложью»⁵.

Между тем вести о бушевавшей в России революции, несмотря на дальность расстояния и всевозможные рогатки, доходили до русских пленных и волновали их⁶. Для сотен тысяч русских рабочих и крестьян, переодетых в солдатские шинели и отправленных на Дальний Восток, война с Японией явилась своеобразной школой политического воспитания. Многие из них, наконец, смогли увидеть и понять гнилость буржуазно-помещичьего строя и преступность царизма. Однако само по себе участие в военных действиях не давало еще ответа на вопрос, во имя чего и как следует бороться с тем порядком вещей, который привел русскую армию и флот к тяжчайшим поражениям, а десятки тысяч людей обрек на мучения плена. В таких условиях огромное значение могло иметь развертывание революционной агитации и пропаганды среди пленных, разъяснение им причин и характера начавшейся революции.

Русская политическая эмиграция понимала важность ведения агитационно-пропагандистской работы среди соотечественников, находившихся в плену. Но эта

¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Документы и материалы. Ч. I. М. 1955, стр. 240; А. К. Дрезен. Революционное движение во Владивостоке и на возвращающихся с Дальнего Востока судах (1905—1906 гг.). «Каторга и ссылка», 1930, № 1 (62), стр. 69.

² Дж. Кеннан. Как велось просвещение русских солдат в Японии. «Каторга и ссылка», 1927, № 2 (31), стр. 159.

³ В. Г. Семенов. Цена крови. СПб.—М. 1910, стр. 53; Г. С. Новиков-Даурский. Отзвуки революции 1905 года среди русских военнопленных в Японии. По личным воспоминаниям и другим материалам. «Приамурье», 1956, № 5, стр. 185.

⁴ Дж. Кеннан. Указ. соч., стр. 159.

⁵ Н. Н. Около японцев. (Из дневника пленного офицера). «Исторический вестник», 1908, июнь, стр. 950.

⁶ «Но всего более,— по словам того же очевидца,— волновали пленных известия о внутреннем положении России» (там же, стр. 952).

задача осложнялась отсутствием в Японии русских политэмигрантов, с помощью которых можно было бы установить прямые связи с военнопленными. Дж. Кеннан весной 1905 г. обратился к японскому военному министру Терауци с просьбой разрешить распространение среди русских пленных литературы, прежде всего такой, которая бы освещала ход военных действий и обстановку в России, в том числе и революционные выступления. Поскольку для Японии война была успешной, а русские войска терпели поражение, такое разрешение после некоторых колебаний и проволочек было дано. Кеннан попросил «Общество американских друзей русской свободы»⁷, сотрудничавшее с русскими политэмигрантами, снабдить его книгами, газетами и журналами, в которых освещались русско-японская война и революционные события в России. «Общество», в свою очередь, обратилось к доктору Н. К. Судзиловскому, еще с 70-х годов XIX в. широко известному в кругах русской революционной эмиграции под конспиративной фамилией Руссель и жившему в то время на Гавайских островах. Ему поручалось руководство распространением в Японии среди русских военнопленных соответствующей литературы⁸.

Выбор этот не был случайным. Судзиловский в течение 15-летнего пребывания на Гавайях, Филиппинах и в Китае овладел многими языками и хорошо был знаком с условиями жизни на Дальнем Востоке. Профессия врача и американское подданство, полученное Судзиловским в конце 80-х годов XIX в., когда он жил в Сан-Франциско, облегчали ему возможность легального пребывания в Японии⁹. Судзиловский с энтузиазмом принял сделанное ему предложение и отправился в Японию. Летом 1905 г. он прибыл в Токио в качестве уполномоченного Гавайского энтомологического бюро с рекомендательными письмами японских плантаторов на Гавайях и генерального консула Японии в Гонолулу¹⁰. Официальным предлогом для поездки были поиски средств борьбы с вредителем — мушкой, наносившей ущерб сахарному тростнику.

Судзиловский не являлся членом какой-либо политической партии (он это неоднократно подчеркивал) и, судя по брошюрам и статьям, напечатанным им в США и Японии, не придерживался определенной политической доктрины¹¹. Взгляды его носили общереволюционный характер и не отличались четкостью. Хотя Судзиловский и был знаком с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, он не сумел воспринять теорию научного социализма. Сформировавшийся как политический борец в годы революционного народничества, дальше идей которого он не пошел, Судзиловский был убежденным противником самодержавия, поборником независимости угнетенных народов. Он неоднократно выступал, в частности, против произвола и насилия, совершаемых на Гавайях и Филиппинах американскими колониальными властями¹².

⁷ См. послесловие Н. К. Судзиловского к статье Дж. Кеннана («Каторга и ссылка», 1927, № 2(31), стр. 174, 176).

⁸ Письмо секретаря «Общества» Н. К. Судзиловскому и удостоверение о возложении на него поручения «вести просветительскую и воспитательную работу» среди русских военнопленных в Японии хранятся в личном фонде Н. К. Судзиловского (ЦГАОР СССР, ф. 5825, оп. 1, д. 218, лл. 1, 2).

⁹ Подробные сведения о биографии Н. К. Судзиловского-Русселя см.: «Деятели революционного движения в России». Т. II, вып. 4. М. 1924, стр. 1646, 1649; И. И. Попов. Николай Константинович Руссель-Судзиловский (некролог). «Каторга и ссылка», 1930, № 6(67), стр. 168—176; А. С. Силин. Русский врач в гавайском сенате. «Приамурье», 1955, № 5, стр. 189—195; см. также «Сибирские огни», 1957, № 4, стр. 179—181; М. Мельников. Добрый русский доктор. «Огонек», 1960, № 7; е го же. Из семьи соколиной. Минск. 1973, стр. 4—17; е го же. Из записок краеведа. «Вопросы истории», 1974, № 7; Е. Лазарев. Гавайский сенатор. «Былое», 1907, июнь; С. Марков. Вечные следы. М. 1973, стр. 408—410.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5825, оп. 1, д. 217, л. 2.

¹¹ Н. Руссель. Житие преосвященного Владимира, быв. епископа Алеутского и Аляскинского, ныне викарного епископа Воронежского. М. 1895 (эта книга фактически издана в Сан-Франциско.— А. С.); е го же. В плену. (Сборник передовых статей из журнала «Япония и Россия», издававшегося для пленных в течение второго полугодия 1905 г. в Кобе в Японии д-ром Николаем Русселем. Кобе. 1906, январь); е го же. На политические темы. Нагасаки. 1907; е го же. Последовательная демократия. Нагасаки. 1907; е го же. Мысли влдох. Нагасаки. 1916.

¹² См., например, статью Судзиловского, напечатанную под псевдонимом Ив. Б. Колониальная политика Соединенных Штатов. «Вестник Азии» (Харбин), 1909, № 2; 1910, № 3; 1910, № 4.

В японском городе Кобе Судзиловский возглавил организованный им «Комитет помощи русским пленным». Целью комитета было снабжение пленных бельем и продовольствием. На деле же он занимался революционной пропагандой среди военнопленных. По баракам, в которых содержались пленные, распространялась революционная литература, в частности социал-демократические брошюры, газеты и листовки, которые по поручению Заграничного отдела ЦК РСДРП пересылал в Японию В. Д. Бонч-Бруевич, заведовавший в те годы центральной экспедицией РСДРП в Женеве. «Женевской центральной экспедиции нашей партии, — писал В. Д. Бонч-Бруевич, — удалось найти пути к концентрационным лагерям, в которых находились русские пленныe солдаты. В этом помогли более всего русские, жившие в Нью-Йорке, и удалось особенно хорошо и много сделать через известного русского эмигранта доктора Русселя...»¹³; «Владимир Ильич, конечно, подробнейшим образом знал все, что делаем мы, его ближайшие помощники, и он всецело одобрял и эту нашу литературно-пропагандистскую деятельность среди русских военнопленных»¹⁴. Как свидетельствует известный краевед Г. С. Новиков-Даурский, познакомившийся с Судзиловским во время своего пребывания в японском плену, «Заграничный отдел ЦК РСДРП нашел в лице Русселя опытного и умелого агента для распространения среди пленных изданий партии»¹⁵. К этому делу Судзиловский сумел привлечь и японцев — медицинских сестер, переводчиков и торговцев, а затем нашел помощников и среди пленных.

Для оперативной информации пленных о революционном движении в России, расширения пропаганды и установления связи между различными лагерями, в которых уже успели выкристаллизоваться группы революционно настроенных пленных, необходимо было издание в Японии соответствующего периодического органа. Учениками японской православной семинарии в Кобе был начат тогда выпуск на русском языке иллюстрированного еженедельника «Япония и Россия». Он выходил под покровительством японского военного министерства¹⁶. Своей задачей редакция журнала считала помещение известий с театра военных действий и ознакомление пленных с бытом японского народа. Первый номер журнала датирован 21(8) июля 1905 г., а последний (№ 16) — 7 февраля (25 января) 1906 г. (еженедельный срок выпуска не выдерживался). Ряд номеров был издан с добавлениями, в которых печатались телеграммы из России. Судзиловский заинтересовался журналом и предложил редакции свои услуги. Не сразу, но ему удалось преодолеть недоверие японцев и стать переводчиком, а затем редактором и издателем журнала, который постепенно превратился из «пахнущего ладаном издания в революционное»¹⁷.

Судзиловский был автором передовиц и ряда статей, выступая под псевдонимом «Русский» или ставя инициалы «Н. Р.»¹⁸. Редактору удалось установить связи с передовой частью русских пленных¹⁹. Среди постоянных сотрудников «Японии и России» был известный впоследствии советский писатель А. С. Новиков-Прибой, активно распространявший нелегальную литературу среди пленных, содержащихся в лагере Кумamoto. Он опубликовал в журнале несколько статей и заметок. Новиков-Прибой подписывал их псевдонимом А. Затертый, под которым несколько лет спустя были изданы первые две его книги²⁰. Активно сотрудничал в журнале и Г. С. Новиков-Даурский, бывший матрос Квантунского флотского экипажа, участник героической обороны Порт-Артура. Во время пребывания в плену он выступил инициатором издания в крупнейшем лагере военнопленных в г. Хамадера (в нем содержалось 22 тыс. чел.) рукописного журнала «Друг», который размножался на самодельном гектографе²¹. После возвращения в Россию Новиков-Даурский долгие годы вел пе-

¹³ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения. Т. II. М. 1961, стр. 325.

¹⁴ Там же, стр. 331.

¹⁵ Г. С. Новиков-Даурский. Указ. соч., стр. 187.

¹⁶ См. «Каторга и ссылка», 1927, № 2(31), стр. 174.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Н. Руссель. В плену, стр. 106.

¹⁹ См. Кудряжинский. Русские революционеры и японцы. «Былое», 1907, июнь, стр. 190 (автор являлся ординатором владивостокского крепостного госпиталя).

²⁰ В. Щербина. А. С. Новиков-Прибой. М. 1951, стр. 14.

²¹ Г. С. Новиков-Даурский. Указ. соч., стр. 185; ЦГАОР СССР, ф. 5825, оп. 1, д. 220, лл. 26, 48—49.

реписку с оставшимся в Японии Судзиловским. Именно Новикову-Даурскому мы обязаны сохранением комплекта журнала «Япония и Россия» (не хватает №№ 5, 7, 8, 13).

В издании журнала участвовали также несколько революционно настроенных военнопленных. Среди них был штаб-капитан 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка П. Булгаков — комендант форта № 3 в Порт-Артуре. Во время пребывания в плену он неоднократно выступал перед солдатами и матросами с революционными речами. Часто печатались на страницах журнала матросы портартурцы Кунин и Зилин, солдат из запасных В. Александровский (до мобилизации работавший на КВЖД электротехником), солдат Лавров (учитель из Петербурга, еще до войны боровшийся с самодержавием)²². Большую помощь в ведении среди пленных революционной пропаганды оказывали Судзиловскому несколько политических ссыльных, захваченных японцами на Сахалине и доставленных в Японию. Судзиловский добился у японских властей их освобождения. Среди них был, в частности, известный народовец-шлессельбуржец М. Н. Тригони²³.

Поначалу журнал был довольно бесцветным и содержания самого умеренного. Тем не менее уже в первых его номерах помещена информация о восстании на броненосце «Потемкин» и о Цусимском сражении. В частности, был списан эпизод гибели крейсера «Нахимов», впоследствии художественно воспроизведенный Новиковым-Прибоем. В №№ 4, 6 напечатаны сообщения о ходе русско-японских мирных переговоров в Портсмуте. Главное место занимали в журнале материалы о внутреннем положении в Японии, о культуре и быте ее населения. Объяснялось это тем, что пленные, в большинстве неграмотные, не имели почти никакого представления о стране, в которой находились. Статьи и заметки на темы, касавшиеся Японии, публиковались из номера в номер, вплоть до прекращения выхода журнала, хотя примерно с № 6 их удельный вес заметно уменьшился. Так, журнал напечатал серию статей о японской торговле и промышленности и возможно после войны сближении двух стран путем развития экономических отношений (№№ 1, 4). Была опубликована статья о русско-японской торговле в конце XIX в. и перспективах ее развития (№ 6). Журнал знакомил читателей с произведениями японского эпоса (№ 1), японским спортом (№ 2), старинным японским оружием (№ 2), сословиями феодальной Японии, их обрядами и обычаями (№ 3), японской археологией (№ 10). Постоянно печатался русско-японский разговорник, содержавший общеупотребительные фразы, морские и военные термины. Однако эти сведения не могли удовлетворить широкую массу пленных, их насущную потребность получить ответы на самые злободневные тогда вопросы.

Со времени участия в журнале Судзиловского характер издания существенно меняется. «Япония и Россия» становится на революционные позиции. Материалы журнала приобретают целенаправленный характер. Они обращены к солдатской и матросской массе и в первую очередь касаются крупнейших событий недавней войны и развертывавшейся в России революции. Самым жгучим из них, волновавшим десятки тысяч пленных, был вопрос о причинах и характере войны, ее виновниках. В № 4 редакция публикует несколько статей и заметок о преступных махинациях в Северной Корее клики Безобразова, Абазы и Воилярлярского. В том же выпуске была напечатана статья, направленная против царской бюрократии, старавшейся затянуть войну и всячески препятствовавшей созыву Государственной думы. Эти материалы, преимущественно взятые из русских газет либерального направления, были еще очень далеки от раскрытия захватнического характера русско-японской войны, которая велась в интересах эксплуататорских классов обеих сторон.

Первая статья откровенно революционного содержания была помещена в № 6 журнала и называлась «Две войны». Автор ее, подписавшийся псевдонимом «Солдат», по-видимому, принадлежал к числу пленных. В статье говорилось, что главным виновником войны является господствующая в России «система» и что армия сражалась «не за веру и царя, любви к которому у солдата и народа быть не мо-

²² Памятная записка Г. С. Новикова-Даурского в Музее книги Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Биографические сведения о П. Булгакове и Лаврове см. Г. С. Новиков-Даурский. Указ. соч. «Приамурье», 1957, № 6, стр. 171—172.

²³ «Каторга и ссылка», 1927, № 2(31), стр. 164.

жет», так как «всех, кто желает жить по-человечески, кто добивается лучшей жизни, угощают нагайками, штыками и пулями... Все от министра до городского проникнуто лезть, ложью и только... Самодержавие утратило свое значение, оно отжило свой век и должно уступить... управлению республиканскому». В заключение излагалась программа революции, однако в левлиберальном духе. Характеристике причин русско-японской войны была посвящена статья Судзиловского «В чем утешение?» (№ 6). В ней доказывалось, что народ не может нести ответственность за возникновение войны, в которой повинны лишь правящие круги обоих государств. Подчеркивая прямую связь между поражением царизма в войне с Японией и революцией, охватившей Россию, Судзиловский писал: «В последнюю освободительную войну с турками мы освобождали болгар, в нынешнюю, японскую, — мы освобождаем Россию. Вот в чем истинное утешение не только для русских пленных, но и для всякого русского».

Большое место в журнале занимали статьи просветительного характера, принадлежавшие преимущественно перу Судзиловского. Они касались разнообразных вопросов, но неизменно были тесно связаны с современностью и потому помогали военнопленным разобраться в сущности событий, происходивших внутри России и на международной арене. В статье «Подражать или творить?», в которой говорилось о будущем государственном устройстве России, Судзиловский предостерегал от слепой веры в «западную демократию», в буржуазно-республиканское устройство США²⁴. Основываясь на собственных наблюдениях, он писал: «В Соединенных Штатах Америки власть чиновника уже окончательно ступшевывается и уступает место неограниченной власти капитала». Далее Судзиловский рассказывал о том, что за вывеской красивых фраз — «всеобщая подача голосов», «правительство народа, для народа и при посредничестве народа», «республика и демократия» — скрываются господство плутократии, хозяйничанье капитала и творимое чиновниками беззаконие. «Мы убеждаемся, — писал он, — что свобода, республика и демократия политические невозможны и немислимы без свободы, республики и демократии экономических»²⁵.

В заметке «Что такое демократия?» (№ 10) Судзиловский разъяснял читателям значение политических терминов «прямые и косвенные выборы», «референдум», «право отзыва депутатов», принцип «разделения властей». Он подчеркивал, что имущественные и сословные различия порождают различия политические, и показывал, каким путем власть концентрируется в руках меньшинства. Судзиловский считал, что осуществление демократии возможно лишь после ликвидации социального неравенства. К этой заметке примыкает другая, близкая по тематике и принадлежавшая перу неизвестного нам автора, озаглавленная «Три конституции» (№ 16). В ней разъяснялась сущность различных форм государственного устройства (самодержавная и конституционная монархия, демократическая республика). В одной из наиболее крупных своих статей «Ограниченная монархия или союзная республика?» (№ 16) Судзиловский, отмечая размах революционного движения в России, утверждал возможность сохранения в ней монархической формы государственного устройства. Он писал по поводу подавления царскими войсками Декабрьского вооруженного восстания 1905 г.: «Сколько бы тысяч ни было убито на улицах Москвы, революционные силы восставшего многомиллионного народа не уменьшаются, а увеличиваются, как увеличились они после кровопролития 9 января».

Статья Судзиловского «Отечество в опасности» (№ 10) была посвящена характеристике низкого культурного уровня тогдашней России, раскрытию социальных причин неграмотности подавляющей массы населения страны. В статье «Как быть с землей?» (№ 12) он резко критиковал помещанско-мелкобуржуазную аграрную теорию. Убедительно разоблачал Судзиловский милитаризм. Этот вопрос освещался в статье «Всеобщее обучение и всеобщее вооружение» (№ 14), в которой он призывал к введению в демократическом государстве всеобщего обучения и созданию армии, основанной на всеобщем вооружении народа. В статье «Пучины морские и пучины гражданские» (№ 12) Судзиловский разоблачал черную сотню, «темную силу», используемую самодержавием для борьбы с революционными массами. В замет-

²⁴ Н. Руссель. В плену, стр. 14—19.

²⁵ Там же, стр. 18.

ке «Заря новых дней» (№ 9) осуждался антисемитизм и обосновывался принцип равенства наций.

Журнал уделял место популяризации революционной литературы. В № 11 был опубликован список новых книг по социальным вопросам, изданных в России и за границей. В нем указаны произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, К. Цеткин, а на некоторые из этих книг даны аннотации. Редакция использовала письма, получаемые пленными с родины. В одном из них (№ 12) жена сообщала военнопленному, что после ошибочного извещения о гибели мужа ей было выдано пособие в сумме 3 руб. 87 коп. Автор письма, подписавшийся «Служивый», отмечал: «У нас самодержавие и бюрократия все деньги на господ тратят, а жизнь солдата ни во что не ставится». В письме пленного солдата (№ 14) разоблачалось лихоимство офицера, присваивавшего себе деньги, отпущенные на содержание подчиненных.

На страницах журнала находили освещение события первой русской революции, особенно отзвуки этих событий в Сибири и Приморье. В «Японии и России» перепечатывались материалы из русских газет о рабочих и крестьянских выступлениях, волнениях в армии и на флоте. Читатели знакомились с политическими и экономическими требованиями, выдвигавшимися народными массами, с сообщениями о расправе полиции, жандармерии и казачьих войск с бастующими и восставшими. Журнал опубликовал несколько статей и заметок о судьбе лейтенанта П. П. Шмидта, стачке железнодорожников Сибирской магистрали, волнениях в войсках, расположенных на Дальнем Востоке, и черносотенных погромах в ряде городов. Информировала читателей редакция и о революционной борьбе трудящихся Приморья и войск Владивостокского гарнизона, печатала материалы о провокационных вылазках черносотенцев в этом городе и постыдном поведении командира Владивостокского порта адмирала Скрыдлова (№ 15), подробно освещала революционное выступление в Ново-Киевском гарнизоне (вблизи Владивостока), насчитывавшем около 20 тыс. солдат. Представляет интерес статья «Дело Ново-Киевского гарнизона», принадлежавшая перу штабс-капитана В. К. Вадецкого, непосредственно руководившего этим выступлением (№ 16). В том же номере напечатано воззвание к армии, принятое на митинге солдатами Ново-Киевского гарнизона 18 декабря 1905 г., и опубликованы фотографии, посвященные этому событию. Это свидетельствовало о том, что редакция сумела установить связи с революционными организациями Владивостока.

Огромное воздействие на читателей имели непосредственно обращенные к ним воззвания и письма, присылавшиеся из Владивостока, в которых давалась оценка происходившим в России событиям и содержались обращения к военнопленным с призывом включиться в революционную борьбу. «Очнитесь, солдаты,— говорилось в обращении, опубликованном в № 16 журнала,— вы должны защищать свой народ, а не бить его... Армия должна перейти на сторону народа, потому что она тоже народ. Она должна бороться за народные права». В воззвании «К казакам» (№ 16) В. К. Ваецкий призывал их «отказаться от холопской и унижительной службы», «не быть братоубийцами», объединиться с народом и совместно с ним бороться за свободу. Журнал напечатал (№ 16) письмо исполкома профсоюза уссурийских железнодорожников к вернувшимся на родину пленным. В нем опровергалось клеветническое утверждение царских военных властей, будто железнодорожники не хотят перевозить на родину запасных и пленных. Исполком разъяснял, что причинами забастовки являются кровавый террор на Средне-Азиатской железной дороге, осуществляемый военно-полевыми судами, и отказ выпустить на свободу арестованных железнодорожников, которым грозит смертная казнь. Письмо к пленным заканчивалось словами: «Не враги мы, а ваши друзья. Мы употребляем все усилия, чтобы помочь вам скорее достичь родины... Мы, железнодорожные служащие, мастера и рабочие, уверены, что вы нас понимаете и верите нам, а потому мы ждем вашего сочувствия».

Материалы, публикуемые журналом, постепенно способствовали ослаблению той изоляции от внешнего мира, в которой находились военнопленные на чужбине. Под воздействием революционных вестей с родины спадала пелена лжи, сотканная пропагандой реакционного офицерства и его приспешников из унтер-офицерских чинов. В лагерях военнопленных усилился процесс политического размежевания, нашедший отражение и на страницах «Японии и России». Об этом свидетельствует

статья А. С. Новикова-Прибоя «Подвиги русской мафии в Куамото» (№ 14). В ней повествуется о провокационной деятельности офицеров фон Валя и Вейсберга, сумевших с помощью подкупов, спиртных напитков и лживых посулов набрать среди отсталой части пленных черносотенную банду и натравить ее на «политиков». Основная часть статьи посвящена описанию погрома, устроенного черносотенцами 4 декабря 1905 г., во время которого были уничтожены лагерная библиотека и собранные Новиковым-Прибоем документальные записи рассказов участников Цусимского сражения. Около 20 солдат и матросов, которые вели в лагере революционную пропаганду, едва не погибли от рук озверевшей полупьяной толпы²⁶. В конце статьи Новиков-Прибой показал лицемерие и двурушничество подполковника Гобято, пытавшегося в извращенном свете представить революционные события в России.

Той же теме посвящена заметка Г. С. Новикова-Даурского «Черносотенцы разбиты наголову в Хамадере» (№ 14). В ней рассказывалось о событиях в другом лагере пленных, где с 18 по 25 ноября 1905 г. происходили стычки между группой революционеров и шайкой черносотенцев. Попытка банды устроить в ночь на 23 ноября избиение в бараках, где жили пленные из числа национальных меньшинств, кончилась неудачей. Русские матросы, узнав об этом замысле, помешали его осуществлению и разогнали погромщиков²⁷. В другой заметке того же автора (№ 15) описан митинг 7 ноября 1905 г. на 4-м участке лагеря в Хамадере. Он был созван в связи с известием о царском манифесте 17 октября. Автор излагал содержание революционных речей, произнесенных на этом митинге²⁸. Представляет интерес статья «Опять подвиги адмирала Рожественского» (№ 14). В ней описывается столкновение, происшедшее между солдатами и матросами, с одной стороны, офицерами — с другой, во время возвращения из плена в ноябре 1905 г. на транспорте «Воронеж». На этом пароходе, кроме 2500 рядовых, находились ненавистные матросам адмиралы Рожественский со своим штабом и Вирен. Жалобы «нижних чинов» на плохую пищу, а затем пение революционных песен и обсуждение на палубах событий в России были расценены офицерами как доказательство существования заговора, имевшего целью расправиться с адмиралами, лицами из их свиты и захватить судно. Рожественский добился задержания «Воронежа» в японском порту Нагасаки, где обратился за помощью к японским военным властям. Последние повели к транспорту миноносец и наводнили парход полицейскими чинами. Рожественский безуспешно требовал выдачи «зачинщиков», потом пересел на транспорт «Якут», на котором и отбыл во Владивосток. Статья, принадлежащая перу одного из участников событий, вносит коррективы в тенденциозное изложение инцидента на транспорте «Воронеж», которое содержится в официальных донесениях²⁹.

В предпоследнем номере Судзиловский опубликовал статью «Силы темные (чиновники в эполетах и чиновники в рясах)», направленную против японской военной администрации, которая по требованию председателя комиссии по эвакуации русских пленных Н. А. Данилова запретила распространение в приютах вольной печати. Судзиловский указывал на незаконность подобных действий после ратификации Портсмутского мирного договора, когда «пленные уже не пленные, а гости, ожидающие пароходов для отправки домой». Он отмечал, что в то же время военное министерство Японии, как и ранее, обеспечивает свободный доступ в лагерь «задоптянной печати, распространяющей лишь наглую ложь и суеверие». «Не будем, — писал далее Судзиловский, — обвинять японское министерство в пристрастии к нашим реакционерам: симпатии между ныне дружественными двумя бюрократиями естественны и понятны». Вторая половина статьи направлена против «чиновника в рясе», главы православной миссии в Японии епископа Николая. Судзиловский разоблачал реакционную сущность епископского послания (оно публиковалось ниже в том же номере). В нем «пастырь» натравливал пленных на революционно настроенных солдат

²⁶ Новиков-Прибой описал этот эпизод в романе «Цусима». (Ч. I. М. 1955, стр. 7—12).

²⁷ Р. Кантор. Смертники в тюрьме. «Каторга и ссылка», 1923, № 6, стр. 129.

²⁸ См. «Приамурье», 1956, № 5, стр. 187—188.

²⁹ См. «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Ч. I, стр. 252—258; Г. С. Новиков-Даурский. Указ. соч. «Приамурье», 1957, № 6, стр. 168—169; В. Г. Семенов. Указ. соч., стр. 171—177.

и матросов. Заметка «Господин епископ», подписанная «Офицер 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка» (автором ее являлся П. Булгаков) также вскрывала провокационность действий епископа Николая.

В то же время Судзиловский пытался воздействовать на лучшую часть офицеров из числа военнопленных. В статье «Требуется Лафайет» (№ 12) он вскрывал фальшь и ошибочность представлений о «честь мундира» и присяги на верность царю, призывал офицеров примкнуть к борьбе трудящихся, писал, что «нам нужны русские Лафайеты и Гарибальди».

Материалы, опубликованные в журнале «Япония и Россия», проливают также дополнительный свет на историю возвращения русских военнопленных на родину. В связи с тем, что революционное движение в России в конце 1905 г. достигло наивысшего подъема и охватило тогда Сибирь и Приморье, царские власти оттягивали эвакуацию военнопленных из Японии. Главнокомандующий войсками на Дальнем Востоке Н. П. Линевиц и комендант Владивостокской крепости Г. Н. Казбек уже по поведению первых партий возвращавшихся на родину пленных убедились, что они революционно настроены. Поэтому генералы пытались изолировать бывших пленных, размещали их за чертой Владивостока в оцепленных рогатками лагерях. Для них, по выражению очевидца, был создан «режим прибывших из зачумленных мест»³⁰. Одновременно Линевиц и Казбек добивались от царского правительства разрешения отправлять пленных из Японии морем в Одессу³¹, чтобы миновать Сибирскую железную дорогу.

А офицеры совместно с епископом Николаем пытались в реакционных целях использовать недовольство пленных задержкой их в Японии. Епископ, провоцируя черносотенцев на расправу с революционными элементами, в одном из обращений писал: «Царь-батюшка до тех пор не возьмет из плена, пока вы не перебьете всех... социалистов и разные орды»³². Однако большинство солдат и матросов дали погромщикам отпор. Об этом гласит напечатанное в журнале (№ 16) «Письмо военнопленных к соотечественникам». Оно начиналось словами: «Граждане! Доколе же наши братья, заброшенные по вине идиотов-начальников в тяжелый плен, будут находиться в заточении?». Авторы резко осуждали поведение генерала Данилова, приехавшего для руководства эвакуацией пленных «с женой и детьми и живущего в Японии, как на курорте... Мы требуем, чтобы этого господина с картонной душой и биллиардным шаром вместо головы вы убрали от нас и предали суду русского общества... Не хотим мы никаких милостей и подачек, а требуем своих человеческих прав. Не дадут, так силой возьмем... Теперь мы на своей шкуре испытали, что значат льстивые слова нашего правительства «молодец-герой, спасибо...». Теперь мы поняли все. Только к вам мы можем обращаться за помощью. Мы еще пригодимся вам... Помогите только домой вернуться».

Журнал распространялся не только в лагерях военнопленных, но и за пределами Японии, в частности в Китае. В связи с этим любопытно опубликованное в № 16 письмо в редакцию от машинистов, кочегаров и матросов 8 русских пароходов, которые в течение 6-месячной стоянки в Шанхае в ожидании приказа отправиться в Японию для перевозки пленных на родину успели познакомиться с журналом. Они писали: «С жадностью читали ваше издание и другие книжки, которые попадали к нам в Шанхай... Спасибо «Японии и России», за такое короткое время журнал этот воспитал наших братьев и товарищей. Вы побороли трудности и дали нашей молодой России новых развитых борцов, которых мы везде видим и с которыми сталкиваемся на каждом шагу на палубе парохода... Шлем «Японии и России» свой искренний сердечный привет и благодарим от души». Представитель министерства финансов России в Шанхае приписывал распространение революционной литературы усилиям многочисленных «японских агентов», которые «искусно и неутомимо работают, чтобы развить брожение среди русских пленных, особенно тех, которые возвращаются в Россию... В Шанхае для эвакуированных из Японии были

³⁰ К уд р ж и н с к и й. Указ. соч., стр. 190.

³¹ См. Г. С. Н о в и к о в - Д а у р с к и й. Указ. соч. «Приамурье», 1957, № 6, стр. 169.

³² Р. К а н т о р. Указ. соч., стр. 129.

запасены всевозможные революционные издания». В том же донесении он сообщал, что «прошедшие через Шанхай партии пленных заражены крайне опасным духом»³³.

В том же номере журнала, в письме «От редакции», Судзиловский, прощаясь с читателями, подводил итоги деятельности журнала. Он отмечал, что сотни писем, полученных редакцией³⁴, являются «документальным доказательством совершенного на наших глазах пробуждения как в среде солдат, так и в некоторой части офицеров», клеймил офицерство, которое, за редким исключением, позорно вело себя по отношению к «нижним чинам» — мешало учить грамоте солдат и матросов, отнимало у них книги и газеты и затем уничтожало отобранную литературу. На доверенные им денежные суммы офицеры скушали в книжных магазинах русские книги и тоже уничтожали их или тратили эти деньги на подкуп наиболее отсталых лиц для организации избиения революционно настроенных солдат и матросов, скрывали от военнопленных известия о революционных событиях в России и о поражениях на фронте. Упомянув о запрещении японским правительством в последние месяцы плена распространять в приютах прогрессивную русскую и заграничную печать, Судзиловский подчеркивал, что эта мера была принята по настоянию реакционного офицерства. Но, несмотря на трудности, «запрещенная литература достаточно проникала в приюты, чтобы делать свое дело; пленный солдат открыл глаза и пришел в ужас от тех порядков в России, которые привели к Ляояну и Цусиме». Судзиловский указывал на благожелательное поведение простых людей Японии, не проявлявших к русским пленным «никакой кvasно-патриотической враждебности». В заключение он писал: «Мужайся, брат солдат, и борись. Борись за себя и за всю, ныне поголовно восставшую на врага Россию. Твой час отдыха еще не настал... Тебя ждут, на тебя надеются. Спешь на помощь освобождающемуся народу... Близка решительная победа... Смело вперед».

«Из 70 000 пленных по крайней мере 50 000 возвратились с новыми понятиями о правительстве и более ясным представлением о причинах войны. Все превратились в либералов, а три четверти — в революционеров»³⁵. Доктор Кудржинский, в начале 1905 г. прибывший в Нагасаки, свидетельствовал, что «успех пропаганды был колоссальный. «Япония и Россия» и прочая литература читались солдатами запоем. Внезапно хлынувший поток идей для огромного большинства был откровением. Закипела в серой солдатской массе умственная работа, пошли ожесточенные дебаты, образовались политические партии... В настоящее время Россия обязана Николаю Константиновичу (Судзиловскому.— А. С.) тем, что по деревням и селам рассеяно несколько десятков тысяч сознательных людей»³⁶. Г. С. Новиков-Даурский отмечал, что накануне отправки в Россию многие пленные были снабжены Судзиловским революционной литературой³⁷. Он писал: «Солдаты и матросы возвращались в родные места значительно прозревшими. Большая часть их критически относилась к существующему строю. Многие нашли свое место в рядах борцов за свержение насквозь прогнившего самодержавия, за уничтожение царских порядков»³⁸. О роли Судзиловского в революционной пропаганде среди русских пленных в Японии говорилось и в полицейских донесениях. Начальник Владивостокского охранного отделения в 1911 г. сообщал: «Судзиловский являлся идейным руководителем русских эмигрантов, проживавших в Японии, и главным деятелем по возвращению в революционном направлении русских офицеров и нижних чинов, находившихся в Японии»³⁹.

Возвратившиеся из Японии пленные, в первую очередь матросы, квантунские артиллеристы и саперы из гарнизона Порт-Артура, явились инициаторами революционных выступлений во Владивостоке в октябре — ноябре 1905 г. и «составили то организационное ядро, которое через октябрьское выступление (1905 г.—А. С.) вызвало к жизни цепь выступлений 1906—1907 гг.»⁴⁰. По словам коменданта Вла-

³³ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 1035, лл. 24, 27, 29.

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5825, оп. 1, дд. 219—220, 221, 222.

³⁵ Дж. Кеннан. Указ. соч., стр. 165.

³⁶ Кудржинский. Указ. соч., стр. 190—191.

³⁷ Г. С. Новиков-Даурский. Указ. соч. «Приамурье». 1957, № 6, стр. 169.

³⁸ Там же, стр. 171.

³⁹ Р. Кантор. Указ. соч., стр. 130—131.

⁴⁰ А. К. Дрезен. Указ. соч., стр. 81.

дивостокского гарнизона Г. Н. Казбека, пленные «принесли полную военную распущенность и развращенность революционной пропагандой»⁴¹, а бывший главнокомандующий войсками на Дальнем Востоке указывал, что «пленные привозили с собою во Владивосток только революционное направление»⁴² и что в Харбине «разного рода прокламации раздаются нижним чинам в большом количестве и даже выбрасываются с поездов»⁴³. В связи с этим министерство внутренних дел разослало циркуляр, в котором отмечало, что «бывшие в плену в Японии нижние воинские чины в значительной степени подпали влиянию революционной пропаганды», и требовало учреждения «самого тщательного наблюдения как за прибывшими, так и имеющими возвратиться военнопленными... и в случае замеченной со стороны последних противоправительственной агитации — привлекать их к законной ответственности»⁴⁴.

Среди революционных изданий, распространявшихся бывшими пленными на Дальнем Востоке и по линии Сибирской железной дороги, журнал «Япония и Россия» занимал заметное место. Это подтверждает один из отчетов властей в Иркутске. В нем говорится: «Возвратившиеся из Японии пленные оказались в значительной степени революционизированными благодаря тому, что во время плена среди них распространялся издававшийся в Японии на русском языке журнал «Япония и Россия» и другие издания преступного содержания, доставленные в Японию русскими революционерами»⁴⁵. И далее: «В городе Владивостоке, в феврале месяце 1906 г., было установлено распространение среди чинов гарнизона № 16 журнала «Япония и Россия». 1-го марта был задержан запасной нижний чин с 40 экземплярами № 15 той же газеты»⁴⁶ (так в подлиннике. — А. С.). Военные власти в 1907 г. предали суду участников революционных выступлений среди русских военнопленных в Японии. В частности, на скамью подсудимых были посажены 8 офицеров, солдат и матросов, не считая ранее осужденного штабс-капитана П. Булгакова⁴⁷. В документах обвинения содержалась следующая фраза: «Одним из главных деятелей по возвращению... считался некто Руссель, изгнанный из России и издававший в Японии газету «Россия и Япония»⁴⁸.

Следует остановиться на дальнейшей судьбе Судзиловского. После прекращения в январе 1906 г. издания журнала «Япония и Россия» он наладил отpravку из Нагасаки в США тех пленных, которым за их революционные выступления грозило по возвращении в Россию предание военно-полевому суду. Совместно с другими политэмигрантами Судзиловский организовал печатание на русском языке еженедельного журнала «Воля». Этот журнал распространялся среди команд русских судов, заходящих в Нагасаки. Позднее Судзиловский приступил к изданию в Токио журнала «Восточное обозрение». Активная деятельность русского политэмигранта встревожила царского посла Ю. П. Бахметьева, вошедшего с соответствующими представлениями в японское министерство иностранных дел. Японские чиновники сделали «внушение» Судзиловскому⁴⁹. Бахметьеву эта мера показалась недостаточной, и он обратился за содействием к американскому коллеге. Посол США в Токио потребовал от Судзиловского, поскольку тот являлся подданным США, прекращения революционной пропаганды, однако встретил категорический отказ. Много лет спустя Судзиловский писал: «Вашингтонское правительство, преследовавшее меня систематически за отказ повиноваться его приказу во время русско-японской войны и прекратить пропаганду среди русских пленных..., лишило меня американского гражданства и паспорта на возвращение в Штаты»⁵⁰.

Судзиловский вынужден был остаться в Японии. Там в течение 10 лет он публиковал брошюры и статьи на злободневные политические темы, в которых обосно-

⁴¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Ч. 2. М. 1955, стр. 1044.

⁴² Там же, стр. 1086, 1098.

⁴³ Там же, стр. 1098.

⁴⁴ «Страна (СПБ)», 21(8). III.1906.

⁴⁵ «Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897—1907 гг.». СПб. 1908, стр. 163.

⁴⁶ Там же, стр. 183.

⁴⁷ А. К. Дрезен. Указ. соч., стр. 80.

⁴⁸ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Ч. 1, стр. 253.

⁴⁹ И. И. Попов. Указ. соч., стр. 175.

⁵⁰ Там же.

вывал, в частности, идею сближения русского и японского народов. В Японии он познакомился с Сунь Ят-сеном. Между двумя политэмигрантами завязалась переписка. Несколько этих писем были опубликованы в советской печати⁵¹. В 1921 г. Судзиловский переехал в Китай. Последние годы жизни он провел в Тяньцзине, ведя медицинскую практику в кварталах, населенных беднотой. Судзиловский неоднократно выражал надежду завершить начатое более полувека назад кругосветное путешествие и вернуться на родину, чтобы стать ей «общественно полезным»⁵². Он был пенсионером Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а умер в 1930 г. 82 лет от роду.

Журнал «Япония и Россия» был единственным русским периодическим органом, практически доступным в Японии русским военнопленным. Он получил широкое распространение среди 70-тысячной массы оказавшихся в Японии русских солдат и матросов. Анализ материалов, опубликованных в журнале, позволяет прийти к выводу, что он являлся органом революционно-демократического толка. Именно этим обстоятельством объясняется его успех. Усилиями Судзиловского и его помощников журнал отвечал на многие жгучие вопросы, волновавшие тогда пленных, осуществлял связь между революционными группами, разбросанными по приютам, оказывал моральную поддержку передовой части солдат и матросов, распространял революционные настроения среди многих тысяч русских пленных и способствовал вовлечению их в борьбу с самодержавием.

⁵¹ А. Н. Хейфец. Революционные связи народов России и Китая в начале XX века. «Вопросы истории», 1956, № 12, стр. 97—98.

⁵² И. И. Попов. Указ. соч., стр. 169.